

События происходят во время первого тома второй части (4 том по сквозной нумерации)

Побочная история к четвёртому тому второй части манги

— Привет, Гил.

— Лутц? Ты сегодня рано. Что случилось?

Обычно Лутц приходит, когда все уже заканчивают готовить мастерскую, но сегодня он появился, когда я ещё только отпирал двери. И госпожи Майн с ним не было. Её лихорадка после Звёздного фестиваля наконец спала, но потом госпожу Майн отправили в палату покаяния, и она вновь заболела.

— У госпожи Майн все ещё жар? — спросил я, подтаскивая ящик к окнам мастерской. Они были слишком высоко, чтобы я мог дотянуться до них самостоятельно.

— Эээ... Не уверен.

Обычно он хорошо представлял, когда госпоже Майн станет лучше, так что это был необычайно нескладный ответ для него.

— Неужели у неё всё так плохо, что даже ты не знаешь? — спросил я.

— Неа. Это скорее моя проблема...

— У тебя проблема? Что случилось?

— Ну, э... Извини, что взваливаю это на тебя ни с того ни с сего, но не мог бы пока ты вместе с Франом забирать Майн из дома вместо меня? Хотя бы на некоторое время.

Я мог только удивленно моргать. Лутц всегда заботился обо всем — о проблемах Майн, о заданиях в мастерской, о том, как сопроводить всех в лес... Он всегда смотрел вперёд, будто точно понимая, что делает. Лутц знает гораздо больше, чем я, хоть он и моложе. Он пользуется доверием госпожи Майн и всегда держит меня в курсе дел. Но сейчас он неловко смотрит себе под ноги.

— Я... Я поссорился с родителями, — объяснил он. — И убежал из дома.

Он рассказал мне обо всем, что произошло. Его семья по-прежнему была против того, чтобы он

становился учеником торговца. Родители не разрешали ему выезжать на работу за пределы города, хоть он и сильно ждал этого. На данный момент он живёт на чердаке в компании «Гилберта».

По его голосу я понял, что он расстроен, но... Я действительно не понимал. Мысль поссориться с кем-то и сбежать из дома из-за простого разногласия не имела никакого смысла.

Это похоже на то, как я сам намеренно отправлялся в палату покаяния?..

Ещё в приюте, до того как мне посчастливилось получить собственную комнату в качестве слуги госпожи Майн, я спал в большой, набитой другими детьми комнате. Я оставался один только тогда, когда меня отправляли в палату покаяния, поэтому бывали моменты, когда я намеренно вёл себя вызывающе. Это было самое близкое сравнение с ситуацией Лутца, но между храмом и нижним городом было так много различий, что я всё ещё многого не мог понять.

— Один из моих братьев пришел вчера в компанию «Гилберта» и поднял шум, — продолжал Лутц. — Они потащат меня обратно домой, если увидят. Я подготовлю мастерскую, так что не мог бы ты сходить за Майн вместо меня? Пожалуйста.

— Конечно, — ответил я, глядя, насколько он взволнован. Возможно, я не мог разобраться в его ситуации, но я понимал, что он хочет от меня. Я не возражал против того, чтобы оставить мастерскую ему, поскольку он лучше меня знает, как всё работает. К тому же, все уже привыкли к работе в мастерской. Я мог бы выскользнуть ненадолго, не беспокоясь.

Плюс, это также значит, что Лутц мне доверяет.

Следить за здоровьем госпожи Майн было не только его обязанностью. За это отвечал также Фран. Но даже так, он всё равно первым пришел ко мне. Я усмехнулся и постучал кулаком по груди, радуясь тому, что на меня возложили новые обязанности.

— Мы, слуги, должны в первую очередь держаться своего господина или госпожи, — сказал я. — Я знаю, где живет госпожа Майн, так что можешь на меня рассчитывать. Пойду скажу Франу, а затем отправлюсь за ней.

В итоге, я побежал к госпоже Майн только для того, чтобы узнать, что её лихорадка ещё не спала. И даже когда она спадет, нам нужно будет дать ей ещё один день на восстановление, поэтому меня попросили прийти через три дня. Я вернулся в храм и передал эту информацию Лутцу, который готовился вести всех в лес.

— Хм. Значит, ей всё ещё нездоровится... — пробормотал он про себя.

С этого момента Лутц стал проводить больше времени в мастерской Майн, чем в компании

«Гилберта». Он не хотел видеть свою семью, приходящую в магазин, а мастер Бенно велел ему проводить как можно больше времени на улице. Даже рядом с домом ему было не по себе, поэтому он прятался среди группы служителей всякий раз, когда мы приближались к южным воротам, возвращаясь из леса. Однако его взгляд всегда блуждал в направлении его дома.

Так ли важны семьи для людей?

Если она доставляет боль, оставить её кажется очевидным решением, но Лутц с каждым днем выглядел всё хуже. Его глаза потемнели, а выражение лица стало гораздо суровее, чем обычно.

— Эй, Лутц. Почему ты выглядишь таким подавленным? — спросил я. — Разве ты наконец-то не освободился от семьи, сидевшей у тебя в печёнках?

Лутц ничего не сказал в ответ. Он только поморщился.

Я продолжил:

— Тебе не нужны родители, чтобы жить. В смысле, у меня их нет.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но затем снова закрыл его. Возникла короткая пауза, прежде чем Лутц попытался ответить снова, но он только сказал:

— Ну, ты не ошибаешься...

По выражению его глаз было видно, что он оставил попытки объяснить, как будто уже понял, что я не пойму. Это раздражало меня.

— Хватит считать, что я не пойму, — сказал я. — Если у тебя есть что сказать, говори. Я не могу гарантировать, что пойму, но не списывай меня со счетов сразу.

— О, нет. Извини. Я не это имел в виду.

Лутц поспешно извинился, а затем погрузился в раздумья в поисках нужных слов.

— Я не жалею, что сбежал из дома, но, ну... Тяжело делать всё самому. Я не осознавал, как мне повезло, что у меня есть кто-то, кто готовит для меня и стирает. Я должен спешить к прилавкам, как только закрывается магазин, чтобы купить что-нибудь поесть, и стирать рано утром, чтобы моя одежда высохла к началу работы. Даже сходить за водой — мучение, потому что мне приходится спускаться вниз, а затем снова и снова карабкаться вверх. Это тяжело. Я начинаю думать, что мои родители были правы в том, что я недостаточно хорош, чтобы заниматься всем самостоятельно, и это меня убивает.

Лутц рассказал, как ему тяжело на чердаке компании «Гилберта».

Обязанности, которые не требовали много времени, когда их распределяли между членами семьи, занимали у него целую вечность, если только у него вообще хватало на них времени.

О да. Здесь, в храме, мы делим нашу работу между собой.

Разделение работы было стандартной практикой в приюте. Мы даже полагались друг на друга, когда выполняли свою работу в качестве слуг госпожи Майн. Я мог понять, что Лутцу было тяжело, но я не жил один, поэтому не мог ему сопереживать. Я почесал голову.

— Если ты живёшь один — значит, у тебя больше нет родителей, верно, Лутц? Как насчет того, чтобы пожить в приюте? Это наверняка будет лучше, чем жить одному.

Это была возникшая внезапно идея, но по мере того, как я представлял себе Лутца в образе служителя, я всё больше и больше воодушевлялся.

— Тебя бы сразу взяли в слуги к госпоже Майн. Мы могли бы служить ей вместе. У тебя будет комната в её покоях, и ты сможешь стирать своё бельё вместе с нами, когда мы занимаемся своим.

Лутц противоречиво улыбнулся.

— Я ценю твоё предложение, но я не могу. Я даруа компании «Гилберта». Кроме того, я сбежал из дома, чтобы доказать, что могу быть учеником торговца, а не служителем-учеником.

Несмотря на то, что ему было очень трудно, Лутц не отказался от мысли стать торговцем.

— Фран... Неужели семьи так важны?

— Я не знаю, так как у меня её нет. Почему ты спрашиваешь? Что-то случилось с госпожой Майн?

— Не с госпожой Майн. С Лутцем.

После ужина нам с Франом было поручено доставить божественные дары. Это было идеальное время для тайных переговоров, поскольку неприязнь Делии к приюту означала, что она никогда не пойдёт с нами. Я воспользовался случаем, чтобы рассказать Франу обо всём: о том, как Лутц стал холоднее после побега из дома, о том, как ему тяжело жить одному, и о том, что

он отказался присоединиться к приюту.

— Я бы понял, если бы приют был таким же, как раньше — я имею в виду, я бы даже не предложил, если бы это было так, но при госпоже Майн всё стало настолько здорово. Он мог бы и дальше помогать в мастерской.

— Я считаю, что есть огромная разница между помощью мастерской в качестве ученика компании «Гилберта» и полным отказом от нижнего города для присоединения к ней.

— Ты так думаешь?

— Это компания «Гилберта» покупает бумагу, сделанную в мастерской. Лутц — ученик торговца. Он выступает посредником между нами и магазином, поскольку дружен с госпожой Майн. Потеря такого сильного союзника-торговца только навредит мастерской, поэтому я не могу приветствовать идею его ухода в храм.

Только тогда я понял, что не учел возможности того, что мы потеряем нашего единственного покупателя бумаги.

— Это так, Гил... Ты, должно быть, очень беспокоишься о Лутце, раз пригласил его в храм.

— Мне просто любопытно, что это за семейная история... — ответил я. Я очень хотел помочь Лутцу, но мне также хотелось понять, что заставляет его вести себя так странно. — Он сказал мне, что сбежал, потому что поссорился со своей семьей, но, похоже, они ему не безразличны. И госпожа Майн тоже любит свою семью, верно? Она желает возвращаться домой, а не оставаться в храме. Разве это не заставляет задуматься о том, что такое семья?

— Не особенно. Независимо от ответа, это не имеет к нам никакого отношения.

Фран смирился с мыслью, что у него никогда не будет семьи, но я просто не мог этого сделать. Я чувствовал, как зависть пылает в моей груди.

— Я не очень-то их помню, но... Я почти уверен, что у меня когда-то были родители, — сказал я. — Я не могу не думать, как бы все изменилось, если бы они меня воспитывали.

Фран поднял бровь, дав мне сигнал продолжить.

— Я родился в нижнем городе, но мои родители умерли от какой-то болезни, так что... я оказался здесь. Это было, когда мне было три года или около того.

По крайней мере, так сказал мне служитель, который в то время дежурил у ворот. Служительницы, которые присматривали за детьми до крещения в подвале, говорили

примерно то же самое.

— Я помню, что был период, когда большое количество детей привозили из нижнего города, но я не знаю подробностей. Я был не в том возрасте, когда можно было подходить к подвалу здания для девочек.

— Ооооо. Даже я не знал, что происходило в подвале после моего крещения.

Ужасные истории Делии совсем не были мне знакомы. Никто никогда не упоминал, что все служительницы храма исчезли или что те, кто был в подвале, оказались заброшены. Я видел только столовую.

— Мы тогда были маленькими. Помню, мы говорили как дети в нижнем городе. Другим детям это казалось забавным, и они начали копировать нас, что очень злило служительниц.

— Лутц должен оставаться там, где он есть, — заключил я, полностью изменив свое мнение.

Фран усмехнулся. Теперь, когда он служит госпоже Майн, он, казалось, проявляет гораздо больше эмоций.

— Я также надеюсь, что ситуация с Лутцем скоро разрешится, — сказал он с лёгким беспокойством. — Когда ему беспокойно, госпоже Майн тоже становится плохо.

— Всё будет хорошо. Как только госпожа Майн снова станет здоровой, она позаботится об этом, это точно.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/2365461>